

СЕГОДНЯ все прогрессивное человечество широко и торжественно отмечает 60-летний юбилей Поля Робсона.

Мы публикуем с небольшими сокращениями новую главу из книги Виктора Горохова «Робсон» и краткое послесловие автора.

У телефона — ПОЛЬ РОБСОН

16 ЯНВАРЯ 1952 года, Ванкувер, Канада.

Заключительный митинг очередной конференции Интернационального профсоюза горняков и металлоплавильщиков в Денман-аудитории. На трибуне — Гарвей Мерфи, председатель.

— Братья, мы только что получили печальную весть: Полю Робсону, которого мы все так ждали, под угрозой ареста и огромного штрафа запрещен выезд в Канаду...

13 января 1952 года, Сиэттль, США.

Робсон в сердцах бросает телефонную трубку, будто телефон повинен в запрете, о котором только что сообщили певцу...

Тихо на митинге горняков в Ванкувере. Группа его участников направилась к американскому консулу, другая — готовит резолюцию протеста против нового произвола американских властей. Оставшиеся в зале примолкли, отдавшись единой мысли: неужели с их конференцией будет связано известие о первом поражении Робсона?

Робсон был всегда там, где его ждали. Не сам Робсон — его жена, сын, друзья. Не сам Робсон — его песня, его речь — на пластинке, на пленке. Его песню ждали в Мехико на Континентальном конгрессе мира. Робсон пересек свою песню через границу. Песню ждали в Дели на Всендийском конгрессе мира. Песня пролетела над Африкой, Азией и прозвучала

в Индии. Робсона-старшего не пустили на фестиваль молодежи в Бухарест. Не пустили на фестиваль и Робсона-младшего, не пустили и их друзей. Но песня снова перелетела через океан, юность мира услышала Робсона.

И вот впервые ни певец, ни песня не найдут пути к тем, кто ждет их. Слишком поздно узнал Робсон о запрете на выезд, слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринять!

Неужели с конференцией нашего профсоюза будет отныне связана память о первом поражении Робсона? — думали горняки и плавились. Тихо было в эти минуты в переполненном ванкуверском зале...

Тихо было в эти минуты и в скромном номере гостиницы в Сиэттле. Робсон сидел задумчивый, недвижный. Неслышно билась мысль в поисках выхода. Бесшумно частил пульс под совсем уж седым мохом висков. Неужели известие о его первом поражении будет связано с профсоюзом... да еще с каким профсоюзом...

Одним из организаторов этого профсоюза, вожак его первых стачечных боев, его поэтом, его певцом был Джо Хилл. Под прицелом ружей с мишенью на сердце Джо крикнул товарищам: «Не плачь! Организуйтесь!». Прицел был точным, пули изрешетили мишень, но Джо не умер, Джо живет в повседневной героической борьбе родного профсоюза, одного из самых больших, крепких и боевых профсоюзов Америки, живет сейчас, сегодня — в пикетах бастующих горняков, в митинге ванкуверской конференции.

Джо Хилл живет и в его, Робсона, делах. Во имя Джо Хилла он должен, должен, должен прорваться в Ванкувер!

Для поездки в Канаду американцу не нужен паспорт. Но для него вырыли заплеванный, бездействующий закон, более чем тридцатилетней давности. Поехать, несмотря на запрет? Штраф? Деньги можно собрать. Тюрьма? Те, кто возводил вокруг нее все эти годы стену за стеной запретов будут счастливы упрятать его за настоящие каменные стены. Ехать в Канаду нельзя, нельзя поддаваться первому порыву. Нельзя и не петь в Ванкувере. Надо, во чтобы-то ни стало надо прорваться в Ванкувер!

Робсон все еще косился на телефон. Будто отмахиваясь от нарушившего его планы известия, он то и дело нервно отстранял аппарат. Но вот в какое-то мгновение на смену нервной тревоге пришел смутивший его поначалу покой. Медленно и спокойно он поднял телефонную трубку...

...Перед закрытием митинга в Ванкувере председатель поднес и микрофону обычную телефонную трубку на удлинненном шнуре. По междугороднему телефону с делегатами конференции заговорил человек, чей голос они уже отчаялись услышать в этот день. Единой душой и разом участники митинга постигли находчивость и напористость своего боевого друга. Вдохновенная аудитория предельно слилась с оратором. Голос то пропадал, то возникал вновь, но люди слышали всю речь, все ее слова. Потому что каждому горняку эта речь казалась простой и ясной, как собственная мысль, потому что каждому плавильщику слышалось в этой речи заветное, выстраданное, продуманное...

Как солдат винтовку, доверчиво и повелительно, он сжимал телефонную трубку. Как в юности на спортплощадке, как в дни лучших концертов и митингов, — все тело наполнялось ощущением молодости, здоровья, полнокровия, избытка душевных и физических сил. Как никогда, крепко стояли ноги, и вместе с тем все его существо расpirало от радостного ощущения полета. Он чувствовал далекую аудиторию, крылатые его слова о мире, о задачах профсоюзов опирались на ток мыслей и чаяний далеких, незнакомых, но чудесно близких и родных людей. Казалось, не известно откуда, извне, в точное время приходили точные, нужнейшие в эту минуту слова, точ-

ные свежие образы, точный, только этой речи присущий ритм.

Мозг работал, как чудесный арсенал боевых средств, как вернейший хронометр. Нужно было петь, пора было петь.

Вдохновение борца поторопило, подстегнуло вдохновение артиста, сплелось с ним, утроив, удесятирив его творческое счастье.

Предстояло петь товарищам и потомкам Джо Хилла, собравшимся в Ванкувере, в Канаде, где запрещена песня о легендарном герое. Так пусть же сегодня эта песня, как его голос, вопреки запретам, минует границу. И в Ванкувере гремело на весь зал:

Меня сгубить бы не могли
Ни петля, ни ружье.
Союз рабочих всей земли —
Бессмертие мое...

Никогда еще не пел он так этой песни, как теперь.

Широкие губы сами складывались в улыбку, ноги сами пускались в пляс — это были улыбка и танец и Джо Хилла, и Робсона, по-мальчишески наслаждавшегося озорной мыслью, что он еще раз — да еще как — провел своих врагов...

В Ванкувере любимую песню пели хором. И выше всех голосов подымался над залом баритональный бас Робсона.

Разряды в телефонной трубке, усиленные микрофоном, звучат, будто выстрелы, будто кто-то стреляет по голосу, по хору, по песне. Голос запевалы то опадает, то нарастает снова, словно кто-то хочет заглушить певца.

Но чем хуже слышен голос запевалы, тем дружнее поет хор. Стреляли по этой песне, когда расстреливали ее автора. Душили, глушили этот голос, пытались заглушить и заглушить его и сегодня.

— Когда сойдут снега на границе, я буду петь для канадцев, — бросает Робсон в трубку.

— Мы будем вместе, обязательно будем вместе, — слышит ванкуверский зал, и тысячи мозолистых, жестких горняцких рук неумело, неловко, но дружно аплодируют Робсону. И их овация несется по проводам над границей.

...Робсон вынужден отстраниться от трубки — трубка скрежещет, свистит, стреляет. Но это не разряды на линии, нет, не разряды. Этот хаос звуков — это счастье, это свидетельство его единения с далекими друзьями.

Охваченный великой радостью, Робсон, ласково положив руку на телефон, смеясь, приговаривает:

— Спасибо, товарищ телефон!
— Спасибо, мистер Морган, хозяин «Телефон энд телеграф К».
В первый раз спасибо!

Так телефон впервые выручил Робсона, находившегося под «домашним арестом» в четырех границах США. В первый, но не в последний раз.

Телефонные концерты Робсона стали традицией в Англии. Из Советского Союза, с улицы имени Робсона, лучшей улицы нового совхоза, звонили в гарлемскую квартиру певца молодые новоселы целинных земель. Из Москвы Робсон звонит так часто, что он оказался единственным зарубежным абонентом, с которым Московская международная телефонная станция соединяет не по номеру, а по фамилии.

Вчера, в канун юбилея, по просьбе редакции «Московской правды» я вызвал Нью-Йорк.

Вызвать Нью-Йорк — не значит еще поговорить с любимым героем. Несколько раз за последние месяцы я не заставал его дома.

Раздается частое позванивание — вызов международной.

— Вы вызвали Нью-Йорк, ждите...

Я жду и, естественно, волнуясь. Снова голос дежурной:

— Нью-Йорк на линии, говорите...

— Я говорю, вернее — только спрашиваю: где Робсон? В Чикаго?

Где празднуется юбилей? В Чикаго? Как позвонить в Чикаго?

Из Нью-Йорка мне диктуют номер. Слышимость неважная. Шесть цифр удается зафиксировать только благодаря дружеской помощи нашей телефонистки и ее тонкому профессиональному слуху.

— Говорили три минуты, — холодно сообщает дежурная. Но стоит только ей узнать, что у Робсона юбилей и что я хочу во что бы то ни стало найти его по телефону, ее голос чудесно преображается. Она обещает как можно быстрее вызвать Чикаго.

— Чикаго на линии, говорите...

Нет, это не бас Робсона, который нельзя спутать ни с одним голосом в мире. Значит, Робсона нет. Неудача. Но нет, Робсон здесь! Он будет сейчас говорить.

— Говорит Робсон...

Поздравляю певца с юбилеем.

— Передайте москвичам мою благодарность за внимание. Передайте, что я все еще надеюсь на скорую встречу с ними.

— Почему юбилей празднуется в Чикаго?

— В конце прошлого года я возобновил свою концертную деятельность. Только что, вопреки предсказаниям моих недругов, которые утверждали, что я кончился как артист, я с успехом гастролировал на западном побережье, в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Одинадцатого числа я начинаю гастроли в Чикаго. По-моему, дело не должно страдать из-за юбилея.

Слышно, как Робсон смеется.

— Мистер Робсон, звонили ли вам в Чикаго из-за рубежа?

— Нет, — снова гулко смеется Робсон, — найти меня в поездке способны только москвичи. Передайте им еще раз мою сердечную признательность, заверьте их в моей твердой решимости добиваться дружбы между нашими народами.

Разговор окончен. И мне хочется повторить вслед за Робсоном:

— Спасибо, товарищ телефон!

— Спасибо, мистер Морган, хозяин «Телефон энд телеграф К».

В первый раз спасибо!

Виктор ГОРОХОВ.

